

Когда я открыл свои глаза, Джек сидел за шахматным столом.

Ну что ж, думаю, я могу добавить это в список странного дерьма, которое произошло за сегодня.

Чувствуя, что я будто живу во влажном сне какого-то сюрреалиста, я решил просто сыграть с ним и сел за пустой стул напротив. Он затмил шахматную доску, и мне стало интересно, как такой маленький стул выдерживает его вес. Джек жестом указал одним из своих огромных когтей на доску, позволяя мне сделать первый шаг. Так я и сделал. Я действительно не понимаю, как играть в шахматы, за исключением основных правил, так что я просто переместил пешку. Меня это никогда не интересовало, а если бы вдруг я этим заинтересовался, то меня бы выпнули из шахматного клуба в старшей школе за занудство. Он обдумал мой ход и сделал свой, его четырехдюймовые когти деликатно взяли пешку.

«Итак», - сказал он, его грохочущий баритон прервал тишину, - «как вы думаете, как прошел ваш первый сценарий?»

Я переместил лошадь в случайное место и ответил: «Неплохо. Все шло довольно-таки хорошо до тех пор, пока я не умер. Мне действительно стоило перекрыть дверь кроватью».

Он напевал себе что-то под нос, делая еще один шаг. - «Да, это была ошибка. Правильно ли я считаю, что это был первый Лорд Улья, которого вы видели своими глазами?»

«Ага», - ответил я, - «это было отвратительно. Но, по крайней мере, я убил его».

Белый медведь посмотрел на меня выпученными глазами, будто удивляясь моим словам. Джек начал смеяться, что, возможно, было бы действительно забавно, если бы он не выставлял свой рот полный острейших зубов напоказ.

«Убил его?» - Спросил он, все еще посмеиваясь, - «Мой друг, вы просто доставили ему неудобств».

«Но... я оторвал ему голову? Я ведь сжег его мозги?» - я уже находился в замешательстве от его высмеиваний, продолжая беспорядочно расставлять фигуры на шахматной доске.

«Да, и это убило бы нормального Ассимилятора», - сказал Джек, переходя в режим обучения, - «но Лорд Улья совсем не нормален. Видите ли, у них более одного скопления ганглиев. На самом деле их три и ни одного нет в голове».

Мои глаза расширились. Это просто мошенничество.

«Откровенно говоря, если вы встретите Лорда Улья без поддержки тяжелого оружия, бегство - это единственное, что может вас спасти. И даже тогда у вас не так уж и много шансов». - Он

двинул слона, съев одну из моих пешек. - «Тем не менее, вы проделали отличную работу, вывели его из строя тем, что было под рукой. Не многие солдаты, даже ветераны с многолетним опытом, смогли бы сделать это».

Я был преисполнен гордостью, до его следующего предложения.

«В любом случае, вы все-таки потерпели неудачу в самом конце», - произнес он безмятежно.

«Только потому, что я умер?» - Прорычал я. - «Это был настоящий Кобаяси Мару! Как я мог убить Лорда Улья!?»

«О, вы потерпели неудачу, не потому что умерли, хотя это тоже не было знаком в вашу пользу. Вы потерпели неудачу, потому что не присоединились к своей команде». - На этот раз он взял коня.

«Чего? Если бы я не расположился в этом отеле, то не смог выстрелить в этого Лорда Улья, и отряд был бы уничтожен!» - запротестовал я, находясь в абсолютной растерянности.

Он улыбнулся мне, качая своей массивной пушистой головой. - «Вы действительно думаете, что ваш отряд был настолько глуп, чтобы запереть себя в здании без плана отступления? Если бы вы пошли к ним в первую очередь, на что, кстати, у вас было достаточно времени, вы бы смогли отступить в тот момент, когда был обнаружен Лорд Улья. Единственная причина, по которой они остались - защитить вас».

Я откинулся на спинку стула. Я и правда не подумал, что у моего отряда мог быть план отступления, я даже не задумывался, почему они расположились именно там. Они сидели в универмаге, ожидая засады группы Ассимиляторов. Они контролировали местность и зону поражения. Зачем им запирать себя в ловушку?

«Сэм, вы не увидели главного в этом сценарии. Это распространенная ошибка среди тех, кто считает себя умнее обычного медведя». - сказал он с ужасающей усмешкой, - «Прошу прощения за этот каламбур. Вы видели только то, как вы самостоятельно смогли бы разрешить ситуацию, а не то, как вы смогли бы работать со своей командой. Вы вошли в этот отель, потому что это дало вам лучший шанс проявить свою индивидуальность, а не потому, что это был самый тактически выгодный ход. Чтобы пройти этот курс, вы должны выйти за рамки мышления, что вы находитесь в центре доски, а вместо этого смотреть на вещи объективнее».

Когда я размышлял над его словами, он съел мою королеву, а затем и моего короля. Я не особо обращал внимание на игру, я перебирал все решения, которые я принял в предыдущем сценарии.

«Как я мог знать, что у моей команды был план отступления?» - Спросил я.

«Вы пытались спросить их?» - Сказал он со смехом, возвращая фигуры на доске в исходное положение.

За тот день и еще за два последующих я прожил тысячу жизней.

Чаще всего я был солдатом. Я следовал приказам и игнорировал некоторые. Я сдружился и потерял товарищей по команде. Я умер героической и неблагородной смертью. Мне было скучно на караульном посту, и я оказался прямо посреди решающей битвы. То я был один или в меньшинстве, а иногда я был одним из тысячи бойцов, что сражаются с противником. Я бежал со всех ног от непобедимого врага. Я владел самым мощным оружием, которое человечество только могло предложить, и я научился обходиться ножом и собственным остроумием. Я спасал невинных, а потом беспомощно смотрел, как они умирают. Я был сильным и слабым, но всегда был сильнейшим, когда позволял себе доверять мужчинам и женщинам, окружающим меня.

Я был медиком, призванным в армию и не представлявшим, что делать. Я неуклюже перевязывал раны настолько ужасно, что удивлялся, как продолжали действовать те, кто их перенес. Без оружия я почувствовал беспомощность, когда враг приблизился ко мне, понимая, что я не смогу дать отпор. Я научился доверять солдатам, чтобы они защищали меня, потому что они отдавали свои жизни и давали мне возможность выполнять свою работу. Я поговорил со своими коллегами-медиками, которые были сломлены, устали, но все же отдавали все свои силы, чтобы спасти другую жизнь. Я держал руки солдат, которые знали, что они умирают. Я говорил добрые слова гражданским лицам в полевых больницах, чьи глаза были дикими от ужаса и боли. Я утешал родителей, которые потеряли своих детей, а затем и детей, которые стали сиротами. Разбитых и опустошенных, и даже тех, кто оставался таким же сильным, когда мир рушился прямо на их глазах. При мерцающем свете свечей и в ярко освещенных комнатах я слушал их истории и рассказывал им свои. Я получил благодарности и проклятия, молитвы и причитания.

Я был гражданским лицом, спасателем, полицейским, мэром небольшого городка.

Я был ребенком, отцом, братом, любовником.

Я узнал о жизни через силуэты, оставленные пеплом на стенах домов.

Я узнал о человечестве. Я узнал о враге.

Я пережил апокалипсис раньше, но теперь я прожил его.

Позже я спросил Джека, как такое возможно, что я провел больше, чем, по моим подсчетам, месяц в симуляторе, когда на улице прошло всего тридцать часов.

Он сказал мне, что это было единственное одобренное использование замедления времени. Симулятор ускорил мой мозг до такой степени, что он воспринимал вещи значительно быстрее, чем происходит в реальности. Расширенное воздействие почти наверняка вызовет безумие и неспособность приспособиться к реальному миру. Это был единственный раз в моей жизни, когда я смог это испытать. В моем мозгу сработал маркер, запрещающий любому симулятору ускорять мой мозг вновь.

Джек и я разговаривали после каждой нескольких жизней. Мы говорили о решениях, которые я принимал, хороших и плохих, о людях, которых я встретил, о тех, кому я доверял, и о тех, кому я не верил. Через некоторое время, и я не совсем уверен, когда именно это произошло, больше не было шахматной доски, больше не было разговоров о прохождении или провале. Все было просто о переживаниях. Аделаида присоединялась время от времени, предлагая свои мысли и мнения. Я попросил ее смотреть моими глазами на каждую жизнь, и она это сделала. Я знал, что этот опыт был даже более ценным для нее, чем для меня. У меня была своя собственная человечность, но она все еще лишь изучала свою.

В последнем сценарии я должен был выбрать между спасением маленькой девочки, у которой почти не было шансов на выживание, и спасением солдата, который снова вышел бы на поле битвы. Я повернулся к солдату, и он покачал головой, стиснув зубы. Я кивнул ему и дал что-то от боли. В его глазах был страх и благодарность, и я пошел помогать девчонке. Она умерла под моими неопытными руками.

Вскоре после этого меня вытащили. Джек посмотрел на меня, и протянул свою лапу, чтобы положить ее мне на плечо, почти сбивая меня с ног. На этот раз не было опроса. - «Вы понимаете истинную причину, по которой вам пришлось пройти через это?» - просто спросил он, его слова будто разрывали пустое пространство.

«Да», - ответил я, - «теперь я знаю, что должен защищать».

Он улыбнулся своей широкой, кривой, зубастой улыбкой мне. - «Сэмюэл Льюис», - гордо произнес Джек, - «я считаю, что теперь вы готовы к тренировкам в мобильном пехотном костюме Паладин».